А. К. САВИЦКІЙ

СУВОРОВЪ въ 1799 году

ОЧЕРКЪ

ИЗДАНІЕ
КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ
ПАРИЖЪ — 1949

СУВОРОВЪ ВЪ 1799-мъ ГОДУ

Настоящая статья представляетъ собою выдержки изъ доклада, приготовленнаго авторомъ для прочтенія въ ознаменованіе 150-й годовщины славнѣйшихъ для русскаго оружія событій. Въ апрѣлѣ - августѣ 1799-го года Суворовъ изумилъ міръ своими побѣдами въ Италіи, а въ сентябрѣ и октябрѣ - героическимъ Швейцарскимъ походомъ.

25-го марта 1799-го года фельдмаршалъ графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій торжественно прибылъ въ Вѣну. Въ значительной мѣрѣ торжество это было искреннимъ: австрійцы дѣйствительно обрадовались появленію знаменитаго русскаго полководца, точно предвидѣли все - и его блестящія побѣды и свою черную измѣну. Но вѣрнѣе всего, что настроеніе праздничной торжественности муссировали по причинамъ политическимъ россійскій посолъ при вѣнскомъ Дворѣ графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій и самъ Императоръ Австрійскій Францъ. Обоимъ очень хотѣлось произвести ошеломляющее впечатлѣніе въ Парижѣ: пусть тамъ испугаются !

Одинъ малоизвѣстный, но вполнѣ достовѣрный „свидѣтель исторіи" записалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Суворовъ былъ недоволенъ:

„Помилуй Богъ, смотрины ! Смотрины - невѣстъ показывать, а я не невѣста, я - солдатъ ! Мнѣ въ армію должно."

Однако, поворчавъ, уступилъ. Онъ ѣздилъ на пріемы и самъ принималъ. Особы австрійской императорской фамиліи, князья, графы, бароны посыпались какъ изъ рога изобилія : ихъ оказалось куда какъ больше, чѣмъ своихъ въ Санктъ-Петербургѣ.

Оффиціальную политику великій полководецъ презиралъ, на-

зывалъ ее „тухлымъ яйцомъ". У него была своя политика - политика честнаго благороднаго солдата ; съ ней онъ вездѣ приходился не ко двору. Душу человѣка познавалъ на поляхъ сраженій, а не за круглыми столами дипломатическихъ конференцій.

Но, уступивъ требованіямъ этикета, старый фельдмаршалъ ни въ чемъ не измѣнилъ своихъ странныхъ привычекъ и обращенія съ людьми. Ему во всемъ потакали и все, какъ будто,прощали... до поры, до времени, конечно. Какъ всегда, въ отведенныхъ Суворову комнатахъ были завѣшаны зеркала и убраны раздражавшіе его предметы роскоши. Въ спальнѣ, вмѣсто постели, оказалась большая охапка сѣна, которую „старшій камердинеръ" Прохоръ Ивановичъ, или попросту - Прошка, покрылъ грубой домотканной простыней - издѣліемъ русскихъ крестьянокъ. Одѣяломъ,по обыкновенію, служилъ старый, такъ называемый „родительскій" плащъ. Какъ жаль, что онъ не сохранился въ назиданіе потомству! Любопытно было бы посмотрѣть...

Оставаясь самимъ собою и даже подчеркивая разныя свои чудачества, Суворовъ давалъ понять кому слѣдуетъ, что и въ самомъ главномъ, то-есть въ веденіи военныхъ операцій, онъ,въ особенности, сохранитъ обычную свою независимость. Здѣсь, въ Вѣнѣ, онъ проявилъ вдругъ мало свойственное ему высокомѣріе. Привѣтствуемый толпой, восторженно кричавшей: „Виватъ Императоръ Паулусъ! Виватъ Суворовъ!"- графъ Александръ Васильевичъ, ѣхавшій въ коляскѣ, любезно раскланивался на обѣ стороны, но, къ немалому смущенію сидѣвшаго рядомъ Разумовскаго, то и дѣло восклицалъ- „Виватъ Іозефъ !", вмѣсто - „Виватъ Францъ !" На почтительное замѣчаніе посла, что императоръ Іосифъ давно скончался, а нынѣшняго императора зовутъ Францъ, Суворовъ отвѣтилъ только: „Помилуй Богъ, не упомню, не упомню !" и продолжалъ восклицать - „Виватъ Іозефъ !" Конечно, онъ прекрасно помнилъ, память у него была хорошая. Но пусть вся эта ѣдущая позади придворная челядь съ лукавымъ Тугутомъ во главѣ, да и самъ Императоръ Францъ, знаютъ, что русскому фельдмаршалу, посланному русскимъ Царемъ въ Европу спасать царей и царства, позволительно и позабыть такую мелочь, какъ имя австрійскаго императора.

Вѣна, напуганная быстрыми успѣхами французовъ, встрѣтила Суворова, какъ избавителя. Въ сущности, онъ и пріѣхалъ сюда затѣмъ,чтобы спасти австрійскую столицу отъ неминуемаго вторженія революціонныхъ французскихъ баталіоновъ, о которыхъ все еще выдумывали Богъ знаетъ какіе небылицы и ужасы.

Извѣстіе о томъ, что Суворовъ прибылъ въ Вѣну, дѣйствительно, произвело въ Парижѣ, если не ошеломляющее, то все же очень сильное впечатлѣніе. Кое-кто во французской столицѣ не разъ пожалѣлъ объ отсутствіи генерала Бонапарта, не то сосланнаго, не то бѣжавшаго въ Египетъ. Жалѣлъ объ этомъ и самъ Суворовъ, уже давно желавшій помѣриться силами съ молодымъ французскимъ полководцемъ.

„Далеко шагаетъ, мальчикъ ! Пора унять"...

Какъ-то сгоряча онъ назвалъ его „молокососомъ" и „мальчишкой". Но очень скоро Суворовъ, внимательно слѣдившій за успѣхами возможнаго своего противника, понялъ и оцѣнилъ его геній. Справедливый и менѣе завистливый къ чужой славѣ, чѣмъ

другіе, старый русскій фельдмаршалъ, думая теперь о Бонапартѣ, невольно сравнивалъ его съ Цезаремъ и Ганнибаломъ. Отъ былой непочтительности не осталось и слѣда,она смѣнилась уваженіемъ равнаго къ равному.

„Я почитаю Божескимъ наказаніемъ", сказалъ какъ то Суворовъ, „что до сей поры мнѣ ни разу не пришлось встрѣтиться съ Бонапартомъ."

И вотъ теперь Бонапартъ, этотъ юный Цезарь, уплылъ въ Египетъ. Какая досада !... Въ Италіи остались „младшіе боги" войны - Моро и Макдональдъ. Къ нимъ-то и неслись теперь изъ Парижа предостерегающіе приказы: „Тираны подняли мечи ! Свобода въ опасности!Необходимо усилить революціонный пылъ войскъ!" Революціонная фразеологія во всѣ времена была болѣе или менѣе одинакова, но не она, сама по себѣ, воодушевляла солдатъ на подвиги, а нѣчто совсѣмъ другое, о чемъ знали Суворовъ, Бонапартъ, Моро, Макдональдъ, Жуберъ...

Въ самомъ Парижѣ крайнія теченія быстро шли на убыль. Лозунгъ - „Свобода, Равенство и Братство" въ годы Директоріи звучалъ донельзя фальшиво. Но во внѣшней политикѣ вся эта революціонная идеологія продолжала еще служить международнымъ пугаломъ. Какъ международное пугало она и перешла въ арсеналъ возрождавшагося изъ пепла революціи французскаго имперіализма.

4-го апрѣля Суворовъ отбылъ изъ Вѣны въ армію. Путь былъ долгій. Фельдмаршалъ торопился.Онъ ѣхалъ день и ночь,не обращая вниманіе на дурную погоду, отвратительныя дороги и темныя ночи. Разъ ночью дормезъ Суворова, по небрежности задремавшаго кучера, упалъ въ рѣку. Фельдмаршалъ, конечно, ушибся.

„Ничего, " сказалъ онъ, кинувшимся къ нему на помощь людямъ, „жаль только, что церковныя ноты мои подмокли, - боюсь, что не по чему будетъ пѣть „Тебѣ Бога хвалимъ !"

Въ Виченцѣ Суворова встрѣтилъ генералъ-квартирмейстеръ, маркизъ Шателеръ. Онъ попытался было изложить фельдмаршалу планъ операцій, выработанный гофкригсратомъ, но Суворовъ, зажмуривъ глаза, твердилъ только: „штыки, штыки, штыки !"

I4-го апрѣля фельдмаршалъ прибылъ въ Верону. Здѣсь представлялись ему старшіе начальники и командиры полковъ. Суворовъ стоялъ на вытяжку съ зажмуренными глазами, и когда ему называли незнакомыя фамиліи, онъ открывалъ глаза и съ поклономъ говорилъ:

„Не слыхалъ. Помилуй Богъ, не слыхалъ ! Познакомимся."

Знакомыхъ встрѣчалъ, какъ родныхъ. Особенно обласкалъ Милорадовича и Багратіона.

„Генералъ-маіоръ Милорадовичъ", представилъ Милорадовича Розенбергъ.

„А, это Миша ! Михайло !" воскликнулъ Суворовъ.

„Я, ваше сіятельство !"

„Я зналъ васъ такимъ (фельдмаршалъ показалъ рукою на аршинъ отъ пола) и ѣдалъ у вашего батюшки Андрея пироги. О, да какіе было сладкіе! Какъ теперь помню. Помню и васъ, Михайло

Андреевичъ! Вы хорошо тогда ѣздили верхомъ на палочкѣ. О, да какъ же вы тогда рубили деревянною саблею! Поцѣлуемся, Михайло Андреевичъ ! Ты будешь герой. Ура !"

„Генералъ-маіоръ князь Багратіонъ !"

„Князь Петръ ! Это ты Петръ ? " воскликнулъ растроганный Суворовъ, „Помнишь ли ты подъ Очаковымъ... съ турками! Въ Польшѣ!" Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и горячо обнялъ Багратіона. Великій ясновидѣцъ и сердцевѣдъ, Суворовъ угадывалъ въ своихъ молодыхъ генералахъ будущихъ героевъ 12-го года.

Представленіе генералитета кончилось. Наступила тишина. Всѣ ждали,что скажетъ фельдмаршалъ. Онъ заговорилъ отрывисто, точно бросая отдѣльныя слова. Это была одна изъ тѣхъ необыкновенныхъ суворовскихъ рѣчей, что,разъ услышанная,запоминается на всю жизнь. Суворовъ повторялъ принципы своего ученія.

„Субординація! Экзерциція! Военный шагъ - аршинъ! Въ захожденіи - полтора ! Голова хвоста не ждетъ ! Внезапно, какъ снѣгъ на голову! Пуля бьетъ въ полчеловѣка. Стрѣляй рѣдко, да мѣтко ! Пуля обмишулится, штыкъ не обмишулится ! Штыкомъ коли крѣпко ! Мы пришли бить безбожныхъ вѣтренныхъ французишковъ. Они воюютъ колоннами, и мы ихъ бить будемъ колоннами. Жителей не обижай ! Просящаго пощады не губи !"

Онъ замолчалъ и подумавъ немного обратился къ генералу Розенбергу:

„Ваше высокопревосходительство! Пожалуйте мнѣ два полчка пѣхоты, да два полчка казачковъ !"

„Въ волѣ вашего сіятельства все войско", отвѣтилъ не понявшій фельдмаршала Розенбергъ. „Которыхъ прикажете ?"

Отвѣтъ былъ явно не-суворовскій.Фельдмаршалъ сталъ нервничать и отрывисто заговорилъ:

„Намека, догадка, лживка, лукавка, краткомолвка, краснословка, немогузнайка !"

Розенбергъ ничего не понялъ. Разсерженный Суворовъ быстро ушелъ. На слѣдующій день эта тягостная сцена повторилась. Положеніе спасъ Багратіонъ.

„Мой полкъ готовъ, ваше сіятельство!" сказалъ князь.

„Такъ ты понялъ меня, князь Петръ ? Понялъ !" оживился Суворовъ. „Иди !... Приготовь и приготовься... Помни! Голова хвоста не ждетъ ! Внезапно, какъ снѣгъ на голову !"

15-го апрѣля, прибывъ въ Валеджіо, фельдмаршалъ устроилъ смотръ войскамъ. Онъ остался ими доволенъ.

„Шагъ хорошъ - побѣда !"

Суворовъ приказалъ наступать. Итальянская кампанія началась. Вскорѣ была взята крѣпость Брешіа и осаждена одна изъ сильнѣйшихъ европейскихъ крѣпостей - Мантуа. Въ Петербургѣ по повелѣнію Императора былъ отслуженъ молебенъ и провозглашено „многолѣтіе господину генералъ-фельдмаршалу россійскихъ войскъ, побѣдоносцу Суворову-Рымникскому". Съ верковъ Петропавловской крѣпости грянули пушечные выстрѣлы въ честь фельдмаршала. Императоръ послалъ Суворову чрезвычайно милостивый рескриптъ. Съ этого момента съ двухъ концовъ Европы ведется необыкновенный діалогъ: Суворовъ доноситъ Императору о своихъ побѣдахъ; а Павелъ Петровичъ шлетъ милостивые рескрипты и не знаетъ, какъ лучше наградить своего фельдмаршала. Дѣйствительно, это

была не легкая задача. Суворовъ уже имѣлъ всѣ высшія россійскія орденскія награды до Св. Андрея Первозваннаго и Св.Георгія перваго класса включительно. А побѣды слѣдовали одна за другою. Лучшей наградой для фельдмаршала было бы освобожденіе его отъ невыносимой и ненавистной опеки гофкригсрата. Но,какъ разъ, эту награду русскій Императоръ былъ не въ силахъ дать своему полководцу. Между тѣмъ, отношенія Суворова съ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ барономъ Тугутомъ, предсѣдательствовавшемъ въ гофкригсратѣ, портились не по днямъ, а по часамъ. Австрійскіе генералы, въ большинствѣ своемъ, ненавидѣли великаго русскаго полководца той лютой ненавистью, какой зачастую претенціозныя посредственности ненавидятъ все, выше себя стоящее. Суворовъ презиралъ „жалкихъ академиковъ" изъ гофкригсрата.Они издѣвались надъ его геніальными инструкціями, считая ихъ „бредомъ сумасшедшаго". Одинъ только генералъ-квартирмейстеръ Суворова, маркизъ Шателеръ, понималъ все величіе замысловъ русскаго полководца.

26-го апрѣля Суворовъ разбилъ французовъ на рѣкѣ Аддѣ. Самъ онъ не очень гордился этой побѣдой, потому что у союзниковъ былъ значительный перевѣсъ въ силахъ. Онъ привыкъ побѣждать меньшимъ числомъ.Въ началѣ сраженія французскими войсками командовалъ бездарный генералъ Шереръ, сразу же надѣлавшій много оплошностей. Его смѣнилъ талантливый Моро - одинъ изъ лучшихъ французскихъ генераловъ. Узнавъ объ этомъ, Суворовъ съ удовлетвореніемъ воскликнулъ:

„ Мало славы было бы разбить шарлатана. Лавры, которые мы похитимъ у Моро, будутъ лучше цвѣсти и зеленѣть."

Императоръ Павелъ Петровичъ пожаловалъ фельдмаршалу брилліантовый перстень при милостивомъ рескриптѣ.

„ Дай Богъ вамъ здоровья!" писалъ Государь, „О многолѣтіи вашемъ опять вчера молились въ церкви, причемъ были и всѣ иностранные министры.Сына вашего взялъ я къ себѣ въ генералъ-адъютанты со старшинствомъ и съ оставленіемъ при васъ; мнѣ показалось, что сыну вашему и ученику неприлично быть въ придворной службѣ."

Иначе отнесся къ побѣдѣ Суворова баронъ Тугутъ.

„Намъ всегда могутъ поставить въ вину", писалъ онъ, „что до прибытія Суворова мы терпѣли лишь пораженія, а съ нимъ имѣемъ только успѣхъ."

Хорошо освѣдомленный объ интригахъ и зависти гофкригсрата,причинявшихъ столько огорченій Суворову, Императоръ Павелъ Петровичъ дѣлаетъ все возможное, чтобы морально поддержать своего фельдмаршала. Онъ оказываетъ ему совершенно исключительное довѣріе - посылаетъ въ дѣйствующую армію своего второго сына, двадцатилѣтняго Константина, чтобы тотъ „учился побѣждать враговъ". Произведя Аркадія Суворова въ генералъ-адъютанты, Царь и его отправляетъ въ армію къ отцу.

„Учись у него", сказалъ Государь, напутствуя молодого Суворова, „лучшаго примѣра тебѣ дать и въ лучшія руки отдать не могу !"

Наши историки обращали мало вниманія на нравственную сторону этихъ подлинно-рыцарскихъ поступковъ монарха.

29-го апрѣля, въ первый день Пасхи, Суворовъ прибылъ въ

Миланъ. Праздничная, нарядная толпа привѣтствовала фельдмаршала криками и рукоплесканіями. Въ соборѣ, при огромномъ стеченіи молящихся, архіепископъ отслужилъ большую мессу...

Наступленіе союзныхъ войскъ продолжалось ; оно было трудно - жара изнуряла людей, но все же это было какое-то тріумфальное шествіе: Тортона, Кастель-Ново ди Скривію,Кресчетино, Каза Малонето, наконецъ - Туринъ.

Разбивъ Моро на р.Аддѣ и занявъ по настоянію австрійцевъ, но вопреки своимъ намѣреніямъ,Туринъ, Суворовъ рѣшилъ во что бы то ни стало не допустить соединенія отступившаго къ линіи Валенца - Алессандрія Моро съ находившимся въ Тосканѣ Макдональдомъ. Послѣ неудачнаго для насъ сраженія при Бассиніано 12-го мая и послѣдовавшаго затѣмъ пораженія французовъ подъ Маренго, вынудившаго Моро отступить къ Генуэзской Ривьерѣ, Суворовъ устремился на Макдональда. Въ Туринѣ фельдмаршалъ окончательно убѣдился въ узко-эгоистическихъ намѣреніяхъ австрійскаго правительства,преслѣдовавшаго единственную цѣль - присоединеніе къ Австріи всѣхъ Итальянскихъ провинцій. Австрійцы обнаглѣли до крайнихъ предѣловъ; повсюду они держали себя полновластными хозяевами и вводили ненавистные итальянцамъ старые австрійскіе порядки. Суворовъ неизмѣнно отстранялся отъ управленія отвоеванными имъ у французовъ провинціями. Онъ былъ возмущенъ, негодовалъ, жаловался.

„Во мнѣ здѣсь нужды нѣтъ", писалъ онъ въ Вѣну Разумовскому, „и я нынѣ же желаю домой !"

Онъ восклицаетъ въ отчаяніи: „Спасителя ради - не мѣшайте мнѣ !" Но все было тщетно. Разумовскій окончательно подпалъ подъ вліяніе барона Тугута.

Суворовъ бросился на Макдональда въ надеждѣ новыми рѣшительными побѣдами надъ французами развязать себѣ руки и заставить гофкригсратъ прекратить свои двуличныя козни.Оба полководца форсированными маршами шли навстрѣчу другъ другу.Но въ то время, какъ Суворовъ жаждалъ этой встрѣчи, Макдональдъ стремился отъ нее уклониться. Пользуясь своимъ центральнымъ положеніемъ, фельдмаршалъ дѣйствовалъ по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ.Онъ рѣшилъ нанести пораженіе сначала Макдональду, какъ болѣе сильному изъ противниковъ, потомъ - Моро. Макдональду необходимо было соединиться съ Моро до встрѣчи съ Суворовымъ. Его могла спасти только быстрота движенія.Только быстротою движенія Суворовъ обезпечивалъ всѣ преимущества своего стратегическаго положенія. Оба противника стремительно приближались другъ къ другу. Предстоящее сраженіе неизбѣжно должно было выявить всѣ свойства встрѣчнаго боя.Утромъ 17-го іюня Макдональдъ обрушился на авангардный отрядъ генерала Отта. Узнавъ объ этомъ, Суворовъ, находившійся съ главными силами въ Страделлѣ, буквально кинулся впередъ. Его солдаты уже не шли, а бѣжали. Одна мысль владѣла имъ: „не выпустить Макдональда !"

„Впередъ! Впередъ!" командовалъ онъ,появляясь то здѣсь, то тамъ. Такъ началось знаменитое сраженіе при рѣкѣ Треббіи. Здѣсь въ 218-мъ году до Р.Х.Ганнибалъ разбилъ римскіе легіоны консула Семпроніуса. Здѣсь Суворовъ разбилъ Макдональда. Трехдневное сраженіе при Треббіи кончилось вечеромъ 20 іюня.

Побѣда была полной, рѣшительной; въ 12 часовъ ночи, пользуясь темнотой, Макдональдъ сталъ поспѣшно отступать. Это отступленіе очень походило на бѣгство; французскія войска были совершенно разстроены. Суворовъ могъ гордиться этой побѣдой : противъ 34.000 французовъ дралось только 22.000 союзниковъ.

„C'est le sublime de l'art militaire", выразился Моро о дѣйствіяхъ Суворова при Треббіи. Высокаго мнѣнія о своемъ противникѣ былъ и самъ Макдональдъ. Эта неудача, какъ извѣстно, только потому не повредила его карьерѣ, что побѣдителемъ его оказался самъ Суворовъ.

30-го іюня фельдмаршалъ послалъ Императору Павлу Петровичу пространное донесеніе о военныхъ дѣйствіяхъ съ 15-го по 20-е іюня. Царь пожаловалъ Суворову свой портретъ, оправленный въ бриллiанты, при милостивомъ рескриптѣ.

„Поздравляю васъ вашими же словами", писалъ Государь, „Слава Богу, слава вамъ... Портретъ Мой на груди вашей да изъявитъ всѣмъ и каждому признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго, - имъ же прославляется царствованіе Наше."

Трудно было прибавить что-либо еще къ славѣ великаго русскаго полководца. Но одни ли лавры вѣнчали суворовскую славу? Намъ вспоминаются невольно слова Лермонтова, сказанныя о другомъ русскомъ геніи - „они вѣнецъ терновый, увитый лаврами надѣли на него, но иглы тайныя сурово язвили славное чело..." Въ суворовскихъ лаврахъ было не мало терній тайныхъ и явныхъ. Послѣ Треббіи гофкригсратъ съ удвоенной энергіей повелъ свои интриги противъ фельдмаршала. Австрійцамъ уже казалось, что Суворовъ имъ больше не нуженъ въ Италіи. Они уже мечтали отъ него избавиться. „Мавръ сдѣлалъ свое дѣло" - мавръ долженъ былъ уйти. Злобная зависть снѣдала бездарныхъ австрійскихъ генераловъ, разсчитывавшихъ окончить кампанію безъ Суворова и присвоить себѣ его побѣды. Поразительно, что даже Императоръ Францъ уступилъ этому низкому чувству и, чтобы уколоть русскаго фельдмаршала, довольно прозрачно далъ ему понять своимъ рескриптомъ, что усматриваетъ причину его побѣдъ въ „столь часто испытанномъ имъ счастіи". Суворовъ вышелъ изъ себя. Повидимому, онъ терялъ остатки терпѣнія.

„Одинъ разъ счастье, другой разъ счастье ! Помилуй Богъ, когда-нибудь да и умѣніе !" пишетъ онъ въ Вѣну Разумовскому. „Счастье ! говоритъ Императоръ Римскій... Ослиная въ арміи голова тоже говоритъ мнѣ - слѣпое счастье !"

Исторія умалчиваетъ коснулись ли эти слова слуха Императора Римскаго...

Послѣ побѣды на Треббіи Суворовъ сталъ искать Моро, но французскій генералъ явно избѣгалъ встрѣчи съ фельдмаршаломъ, за что и получилъ отъ него прозвище „генерала славныхъ ретирадъ". Моро, дѣйствительно, очень искусно ускользалъ отъ своего опаснаго противника. Тогда у Суворова окончательно созрѣло рѣшеніе идти черезъ Генуэзскую Ривьеру и Ниццу вглубь Франціи. Парижъ становился конечной цѣлью этого похода. Но завоеваніе Франціи отнюдь не входило въ политическіе разсчеты Австріи, и Тугутъ спуталъ грандіозные планы русскаго полководца. Вмѣсто того, чтобы позволить Суворову немедленно же использовать по-

бѣду при Треббіи для уничтоженія живой силы противника, Австрійскій Императоръ окончательно лишилъ его свободы дѣйствій и потребовалъ „безъ дальнѣйшихъ отлагательствъ предпринять и закончить осаду Мантуи".

28-го іюля Мантуа пала. Суворовъ не придавалъ большого значенія самому событію - вѣдь Мантуа ни въ какомъ смыслѣ не была ни Измаиломъ, ни Варшавой - оно важно было для него только потому, что освобождало наконецъ тридцатитысячный корпусъ генерала барона Края, осаждавшій Мантую, и развязывало руки для дальнѣйшихъ болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Но въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ этотъ успѣхъ вызвалъ необычайный восторгъ и преувеличенныя надежды. Императоръ Павелъ Петровичъ возвелъ Суворова въ княжеское достоинство съ именемъ Италійскаго.

„Примите воздаяніе за славные подвиги ваши", писалъ Государь: „да пребудетъ память ихъ въ потомкахъ вашихъ къ чести и славѣ Россіи".

Въ Вѣнѣ паденіе Мантуи разсматривалось, какъ блестящее окончаніе войны за возвращеніе итальянскихъ провинцій коронѣ Габсбурговъ. Это была совершенно ошибочная точка зрѣнія, но это была точка зрѣнія барона Тугута. Очень скоро событія показали, что правъ былъ Суворовъ, а не австрійцы. Дѣйствительно, мѣсячное бездѣйствіе союзниковъ позволило Макдональду придти въ себя и подтянуться къ Генуѣ на соединеніе съ Моро. Въ то же самое время изъ Франціи стали прибывать "конскрипты". 30-го преріаля, т.е. 18-го іюля въ Парижѣ перемѣнился составъ Директоріи и министерства. Пришедшіе къ власти директора и министры, недовольные неудачами Макдональда и Моро, убрали ихъ съ командныхъ постовъ и назначили главнокомандующимъ молодого генерала Жубера, пользовавшагося исключительной любовью солдатъ и довѣріемъ самого Бонапарта. Прибывъ къ арміи, Жуберъ немедленно же сталъ готовиться къ наступленію. Даже для гофкригсрата стало очевидно, что война въ Италіи далеко еще не кончена. Суворовъ опять сталъ нуженъ, ему развязали руки.

Во всемъ превосходя своего противника, увѣренный въ побѣдѣ, русскій фельдмаршалъ занялъ очень демонстративную позицію на равнинѣ, у сѣверныхъ склоновъ Апеннинъ, передъ городкомъ Нови, открывавшимъ союзникамъ путь на Генуэзскую Ривьеру.

15-го августа произошло сраженіе при Нови, окончившееся полнымъ разгромомъ французской арміи. Генералъ Жуберъ былъ убитъ ружейной пулей въ самомъ началѣ боя. Командованіе принялъ находившійся еще при арміи генералъ Моро. Ему такъ и не удалось уклониться отъ встрѣчи съ Суворовымъ. Въ сраженіи при Нови генералъ Моро показалъ себя достойнѣйшимъ противникомъ, и Суворовъ отозвался о немъ: „Моро понимаетъ меня, старика, и я радуюсь, что имѣю дѣло съ умнымъ военачальникомъ."

Моро всю жизнь гордился своими боевыми встрѣчами съ Суворовымъ, о которомъ высказалъ чрезвычайно своеобразное сужденіе: „Что же можно сказать о генералѣ, который обладаетъ стойкостью выше человѣческой, который погибнетъ самъ и уложитъ свою армію до послѣдняго солдата, прежде чѣмъ отступитъ на одинъ шагъ ?"

Подробныя донесенія о сраженіи и пораженіи французовъ подъ Нови пришли въ Парижъ черезъ нѣсколько дней. Вотъ когда

холодный паническій ужасъ овладѣлъ робкими душами директоровъ! Директорія объявила награду въ 2 милліона ливровъ за голову Суворова. Разсказываютъ, что узнавъ объ этомъ, фельдмаршалъ приказалъ привести къ нему плѣннаго француза и, отпуская его на свободу, сказалъ: „Желаю тебѣ счастливаго пути домой, но прежде всего объяви отъ меня Директоріи: сумма, за голову мою назначенная, велика; да у васъ и денегъ столько нѣтъ. Скажи еще Директоріи: я постараюсь самъ принести къ нимъ голову мою вмѣстѣ съ руками."

Въ дѣйствительности, въ Италіи было совершено два покушенія на жизнь Суворова; по чьей иниціативѣ - неизвѣстно...

За побѣду при Нови Императоръ Павелъ наградилъ фельдмаршала небывалой наградой. Въ приказѣ по арміи объявлялось:

„ Въ благодарность подвиговъ князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, гвардіи и всѣмъ Россійскимъ войскамъ, даже и въ присутствіи Государя, отдавать ему всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ особѣ Его Императорскаго Величества."

Желая во что бы то ни стало удалить Суворова изъ Италіи, Тугутъ предлагалъ направить русскія войска въ Швейцарію на смѣну австрійской арміи эрцгерцога Карла, находившейся подъ Цюрихомъ. Суворовъ долженъ былъ вытѣснить французовъ изъ Швейцаріи и весною 1800-го года вторгнуться во Францію черезъ Франшъ-Контэ. Въ основномъ австрійскій планъ мало чѣмъ отличался отъ ранѣе принятаго англійскаго. Императоръ Павелъ Петровичъ его одобрилъ и утвердилъ, не предвидя, конечно, на какія тягчайшія испытанія и жертвы обрекалъ онъ этимъ героевъ Треббіи и Нови.

Суворову не нравился новый планъ войны.

„ Выдавя изъ меня сокъ, нужный для Италіи, бросаютъ меня за Альпы", писалъ онъ Растопчину. „Уже съ недѣлю я въ горячкѣ, больше отъ яду Вѣнской политики".

Онъ чувствовалъ, что австрійцы замышляютъ недоброе, хотя и не видѣлъ еще откуда появится опасность, болѣе страшная, чѣмъ вражескіе пули и штыки. Какъ не презиралъ фельдмаршалъ Тугута, но военной измѣны и предательства онъ отъ него все же не ожидалъ. Получивъ формальное повелѣніе Императора Павла идти въ Швейцарію, Суворовъ немедленно сталъ готовиться къ походу. Сразу же обнаружилось полнѣйшее нежеланіе гофкригсрата содѣйствовать снаряженію русскихъ войскъ къ предстоящей кампаніи. Интендантство отказывалось снабдить Суворова необходимымъ количествомъ горныхъ орудій, понтоновъ, амуниціи, муловъ. Австрійцы, повидимому, не отдавали себѣ отчета въ томъ, что подрываютъ и обнажаютъ корни того самаго дуба, благодатной тѣнью котораго пользовались уже столько времени.

Томимый дурными предчувствіями, измученный происками гофкригсрата, больной, переутомленный до крайности, но сильный духомъ, какъ никогда еще, великій старецъ тревожился теперь за двадцатитысячный корпусъ генерала Римскаго-Корсакова, идущій изъ Баваріи въ Сѣверную Швейцарію на соединеніе съ австрійской

арміей эрцгерцога Карла. Тревога не обманула фельдмаршала. Въ то время, какъ онъ находился съ главными силами въ Асти, Корсаковъ 17-го августа прибылъ въ Швейцарію и съ удивленіемъ узналъ, что эрцгерцогъ Карлъ намѣренъ немедленно же со всѣми австрійскими войсками идти въ Германію. Понимая, въ какомъ ужасномъ положеніи окажутся покинутыя австрійцами русскія войска передъ вчетверо превосходившимъ ихъ противникомъ, Корсаковъ убѣждалъ эрцгерцога повременить съ исполненіемъ своего намѣренія, нарушавшаго ранѣе состоявшееся между союзниками соглашеніе,въ силу котораго австрійскія войска могли покинуть Швейцарію только по прибытіи всѣхъ русскихъ войскъ изъ Италіи. Однако, ссылаясь на повелѣніе своего Императора, эрцгерцогъ оставался непреклоненъ. Итакъ, 20.000 русскихъ очутились пе-передъ лицомъ 80.000 французовъ, которыми командовалъ талантливый и рѣшительный Массена.

Узнавъ о пагубныхъ замыслахъ гофкригсрата,но не подозрѣвая,что они уже приводятся въ исполненіе, Суворовъ тотчасъ же написалъ эрцгерцогу Карлу слѣдующее : „ Я увѣренъ, что Ваше Высочество,по Вашей ревности къ общему благу,не поспѣшите исполненіемъ того пагубнаго повелѣнія, которое противно высокой цѣли союзниковъ. Полагаясь вполнѣ на Вашу прозорливость и благонамѣренность, остаюсь спокоенъ относительно выступленія Вашего изъ Швейцаріи; надѣюсь даже получить вскорѣ пріятное извѣстіе, что страна эта обязана своимъ освобожденіемъ новымъ знаменитымъ побѣдамъ Вашего Высочества."

Фельдмаршалъ, конечно, не получилъ этого „пріятнаго извѣстія". Напротивъ, Австрійцы цинично ему заявили: „Поторопитесь ! Эрцгерцогъ Карлъ уже началъ выводить свои войска изъ Швейцаріи."

Спорить было уже безполезно.

„Сія сова не сума-ли сошла, или того никогда не имѣла", отозвался о Тугутѣ взбѣшенный Суворовъ.

Предательски нарушалось формально заключенное между союзниками соглашеніе о постепенной смѣнѣ австрійскихъ войскъ русскими. Грубо попирался одинъ изъ важнѣйшихъ принциповъ суворовской боевой тактики, принципъ взаимной поддержки:„товарища выручай!" Австрійцы попросту бросали занятыя позиціи, дезертировали на глазахъ у непріятеля. Суворовъ прекрасно понималъ, что ему уже не поспѣть на помощь Корсакову.Массена не станетъ ждать,обрушится на слабѣйшаго противника и раздавитъ его своею численностью. Кажется, первый разъ за всю свою долгую боевую жизнь русскій фельдмаршалъ испытывалъ чувство отчаянія. Швейцарія представлялась ему теперь западней,въ которую его умышленно завлекали недобросовѣстные союзники. Не оставалось и тѣни сомнѣнія въ томъ, что Тугутъ былъ не только злостнымъ интриганомъ, но и предателемъ.

Суворовъ покидалъ Италію съ тягостнымъ сознаніемъ безполезности принесенныхъ русскими войсками жертвъ. Онъ былъ увѣренъ,что реакціонная австрійская политика въ завоеванной русскими штыками странѣ очень скоро вызоветъ открытое возмущеніе итальянцевъ. Съ другой стороны, онъ не безъ основанія опасался, что съ его уходомъ страна опять будетъ занята французами.

„Я убѣжденъ, что для завоеванія Швейцаріи не слѣдуетъ терять Италіи", писалъ онъ Императору Францу, „а потому можно тогда только отдѣлить въ пользу первой страны часть силъ, дѣйствующихъ нынѣ въ Италіи, когда онѣ не будутъ уже нужны для сей послѣдней, или,по крайней мѣрѣ, когда съ удаленіемъ ихъ оттуда не будетъ уже представляться никакой опасности".

Не переставалъ Суворовъ жаловаться и на недостаточность снабженія русскихъ войскъ необходимымъ для горной войны снаряженіемъ.

„Весьма прискорбно будетъ", писалъ фельдмаршалъ, „если недостатокъ означенныхъ средствъ, при всемъ усердіи моемъ, преградитъ мнѣ путь къ достиженію предположенной высокой цѣли".

Наконецъ, Суворовъ считалъ неосторожнымъ начинать трудную кампанію на осень глядя. Люди, приходившіе съ горъ, говорили, что тамъ уже выпалъ снѣгъ. Ледяной вѣтеръ падалъ съ вершинъ, все смѣтая на своемъ пути. А у солдатъ не было теплой одежды. Кажется только полковникъ Вейротеръ и маіоръ Эккартъ, офицеры австрійскаго генеральнаго штаба, прикомандированные въ качествѣ знатоковъ горъ къ русскому фельдмаршалу, раздѣляли его опасенія. Но подобныя „мелочи" не волновали дипломатовъ, дѣлавшихъ большую европейскую политику. Судьба русскаго солдата ихъ не интересовала. Да и едва ли не съ древнѣйшихъ временъ ~~ни~~ Европа твердо увѣрилась въ томъ, что русскій человѣкъ совершенно не чувствителенъ къ холоду. За примѣромъ не надо было далеко ходить : самъ фельдмаршалъ Суворовъ прямо изъ „раскаленной" русской бани голый выбѣгалъ на морозъ и бросался въ снѣгъ; по утрамъ обливался съ ногъ до головы ледяной водой, а зимой носилъ легкій плащъ, называвшійся почему то „roditelski". Если таковъ былъ самъ фельдмаршалъ, то каковы же были его солдаты !

Извѣстно, что въ минуты душевной депрессіи, доведенный почти до отчаянія происками Тугута, Суворовъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Императоръ Павелъ Петровичъ убѣждалъ фельдмаршала взять это прошеніе назадъ. Онъ неоднократно выражалъ ему свое довѣріе и благосклонность и вмѣстѣ съ нимъ негодовалъ на интриги Тугута. Растроганный Высочайшею милостью, Суворовъ взялъ назадъ свое прошеніе объ увольненіи со службы.

„Простите мнѣ всемилостивѣйше", писалъ онъ Императору, „что въ скорби сердца своего дерзнулъ я просить объ увольненіи меня отсюда въ благословенное отечество мое. Я пріобыкъ переносить съ презрѣніемъ обиды, лично мнѣ наносимыя; но когда наглостію и дерзновенностію союзнаго, облагодѣтельствованнаго Кабинета, оскорблялись нѣкоторымъ образомъ слава и достоинство Монарха моего и побѣдоноснаго, мнѣ ввѣреннаго Его оружья, - тогда долгомъ поставилъ я уклониться въ мирное жилище. Нынѣ же повсюду, гдѣ угодно будетъ Всевышнему пресѣчь жизнь мою, посвящаю ее достославному служенію Вашему Императорскому Величеству.... Ощущая всю цѣну величія Монаршихъ милостей, поведу я теперь храброе Вашего Императорскаго Величества воинство въ Швейцарію, куда Высочайшая Ваша воля путь мнѣ указуетъ,и тамо, на новомъ полѣ сраженія, поражу врага, или умру со славою за отечество и Государя !..."

Суворовъ понималъ, что благополучный исходъ всей кампаніи зависитъ теперь исключительно отъ быстроты его движенія на

соединеніе съ корпусомъ Римскаго-Корсакова. Русскія войска шли форсированными маршами : Валенца - Мортара - Новара - Тюрбиго - Варезэ - Лугано - Таверно. Эти 160 верстъ были пройдены въ шесть дней, вмѣсто положенныхъ восьми. Это усиліе оказалось напраснымъ. Прибывъ въ Таверно 15-го сентября, Суворовъ не нашелъ здѣсь обѣщанныхъ ему и совершенно необходимыхъ для дальнѣйшаго слѣдованія по горнымъ дорогамъ муловъ. Злой умыселъ или халатность ? Фельдмаршалъ терялся въ догадкахъ и негодовалъ, подозрѣвая худшее. Онъ все время болѣзненно чувствовалъ тлѣтворное вмѣшательство европейскихъ политиковъ въ его стратегическіе планы. Патріотъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, гражданинъ-солдатъ, берегущій честь и славу русскаго оружія, - старый фельдмаршалъ прекрасно понималъ, что страхъ, зависть, ненависть и корыстный разсчетъ неизмѣнно руководили отношеніемъ европейскихъ дипломатовъ къ его великому отечеству.

„Политика есть тухлое яйцо", - сказалъ однажды Суворовъ. Передъ вступленіемъ въ Швейцарію онъ, конечно, больше чѣмъ когда-либо,чувствовалъ вонь этого тухлаго европейскаго яйца. Изъ Беллинцоны фельдмаршалъ отправилъ письмо Ростопчину; нѣкоторыя строки этого письма иначе и нельзя назвать, какъ воплемъ отчаянія: „Нѣтъ лошаковъ, нѣтъ лошадей, а есть Тугутъ и горы и пропасти... Тугутъ вездѣ, Гоцъ (австрійскій генералъ,А.С.) нигдѣ... А подъ Цюрихомъ дурно и Лаватера ранили...Готовъ носить Марію Терезію (австрійскій военный орденъ, А.С.),у меня и такъ на плечахъ много сидитъ... Караулъ! ... Ура!... Я русскій, вы русскіе..."

Можетъ быть и не легко разобраться въ этомъ бурномъ потокѣ словъ,выражающемъ неудержимый порывъ раздраженныхъ чувствъ, но одно совершенно ясно: Суворовъ, дѣйствительно, оказался на краю пропасти, - и это не только въ буквальномъ, но и въ иносказательномъ смыслѣ слова, ибо на швейцарскую карту была поставлена вся его незапятнанная никакими пораженіями полководческая слава.

Все складывалось плохо. У солдатъ не было теплой одежды и спеціальной горной обуви. Запасы патроновъ, продовольствія и фуража для казачьихъ и артиллерійскихъ лошадей оказались ничтожны, но если бы даже они были достаточны, для нихъ все равно не хватило бы муловъ. Горныя орудія такъ и не прибыли. Погонщики муловъ не желали идти дальше Беллинцоны. Наконецъ, незнакомство съ новымъ театромъ военныхъ дѣйствій могло въ значительной мѣрѣ затруднить примѣненіе русскими войсками классическихъ принциповъ суворовской тактики. При столь неблагопріятныхъ общихъ условіяхъ, создавшихся отнюдь не случайно, Швейцарскій походъ не представлялся Суворову подвигомъ воинской чести. Старому фельдмаршалу казалось, точно его заставляютъ совершать какой то не совсѣмъ понятный и заранѣе обреченный на неудачу поступокъ, и если бы не формальное повелѣніе Русскаго Императора, онъ, конечно, отказался бы повиноваться директивамъ вѣнскаго гофкригсрата. Суворовъ сталъ подозрѣвать, и подозрѣнія его все болѣе и болѣе переходили въ увѣренность, что австрійцы завлекаютъ его въ ловушку съ цѣлью уничтожить. Онъ не ошибался. На глазахъ всего культурнаго міра, при благосклонномъ попустительствѣ „союзныхъ" монарховъ,изъ-за излишней

податливости русскихъ дипломатовъ, всегда холопски расшаркивавшихся передъ своими западно-европейскими коллегами, совершалось величайшее историческое преступленіе, жертвами котораго должны были стать семидесятилѣтній русскій полководецъ и 16.000 русскихъ солдатъ,только что спасшихъ царей и царства отъ революціонной бури.

Въ Таверно по совѣту юнаго Великаго Князя Константина Павловича Суворовъ спѣшилъ 1500 казаковъ и ихъ маленькія корѣнастыя лошадки пошли,вмѣсто муловъ,съ поклажей. Находчивость, какъ всегда у русскихъ, замѣняла недостатокъ матеріальныхъ средствъ.

21-го сентября русскія войска двумя колоннами выступили изъ Таверно и Беллинцоны къ Сенъ-Готарду.Было холодное и дождливое утро. Съ горъ дулъ пронизывающій вѣтеръ. Суворовъ ѣхалъ на казачьей лошади, плотно надвинувъ на свои жиденькіе сѣдые волосы широкополую круглую шляпу, завернувшись въ ветхій,тонкій и полинялый отъ дождей и солнца плащъ, уже давно прозванный солдатами „родительскимъ". Въ этомъ странномъ одѣяніи, русскій фельдмаршалъ походилъ гораздо больше на провинціальнаго католическаго священника, чѣмъ на знаменитаго полководца, одно имя котораго приводило въ смущеніе враговъ. Рядомъ съ Суворовымъ, на такой же низкорослой казачьей лошадкѣ ѣхалъ Антоніо Гамма, старый итальянецъ, въ домѣ котораго, въ Таверно, фельдмаршалъ прожилъ пять дней. Гамма сразу же такъ привязался къ Суворову, что позабывъ все на свѣтѣ, рѣшилъ слѣдовать за нимъ повсюду. Знатокъ горныхъ дорогъ и тропинокъ, Антоніо Гамма неотлучно находился при Суворовѣ во все время Швейцарскаго похода и оказалъ русскимъ войскамъ незамѣнимыя услуги.

Суворовъ прошелъ Швейцарскія Альпы съ юга на сѣверъ, отъ Сенъ-Готарда до Гляриса почти непрерывно сражаясь съ сильнымъ, храбрымъ и гораздо лучше подготовленнымъ къ горной войнѣ противникомъ. 24-го сентября русскія войска стали подниматься на С.-Готардъ и встрѣтили рѣшительное сопротивленіе французовъ. Фельдмаршалъ приказалъ немедленно атаковать. Три фронтальныя атаки были отбиты. Французы упорно сопротивлялись. Наши потери простирались до двухъ тысячъ. На сторонѣ обороняющихся были всѣ преимущества пресѣченной мѣстности: прячась за утесами и камнями, французскіе стрѣлки били русскихъ на выборъ. Но обойденные съ лѣваго фланга,испытывая непрерывный фронтальный натискъ, французы стали, наконецъ, медленно отступать. Въ 4 часъ пополудни русскія войска заняли Сенъ-Готардъ. Суворовъ убѣдился, что и здѣсь, въ Швейцаріи, имѣетъ передъ собой незауряднаго противника. Французскіе солдаты дрались прекрасно и командовалъ ими талантливый генералъ Лекурбъ.

Занятіе Сенъ-Готарда послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя было первой побѣдой русскихъ войскъ въ Швейцаріи,побѣдой, показавшей, что и въ совершенно новой для нихъ боевой обстановкѣ русскіе солдаты проявляютъ свойственныя имъ выносливость и мужество.

Съ боемъ были заняты деревни Госпиталь и Урзернъ (Андерматъ). 25-го, рано утромъ русскія войска прорвались черезъ Урнерскую дыру (Урнеръ лохъ),- узкій тунель длиною въ 80 мет-

ровъ. Впереди, въ четырехстахъ шагахъ отъ выхода изъ этого тунеля, висѣлъ Чортовъ мостъ - единственная переправа черезъ пропасть, на днѣ которой бѣшенно шумѣла стремительно несущаяся на югъ рѣка Рейса. Французы, увѣренные въ томъ, что русскимъ не удастся пройти черезъ Урнерскую дыру, совершенно не подготовились къ защитѣ переправы; ихъ войска, находившіяся на другой сторонѣ пропасти, стали наспѣхъ разбирать каменную кладку моста, отрѣзая такимъ образомъ отступленіе своимъ же передовымъ частямъ, еще оказывавшимъ сопротивленіе русскимъ. Въ концѣ концовъ, этотъ французскій авангардъ былъ сброшенъ въ пропасть.

„Угрожаемые обходомъ", пишетъ Милютинъ, „французы начали отступать отъ моста: наши бросились впередъ, притащили нѣсколько бревенъ, выхваченныхъ изъ случившагося поблизости сарая; офицеры, постоянно бывшіе впереди, перевязали бревна своими шарфами и начали перебираться по этой зыбкой перекладинѣ".

„Чертовъ мостъ"- дѣло необычайной доблести съ обѣихъ сторонъ. Но это - одна изъ самыхъ трагическихъ страницъ русской военной исторіи. Пока Суворовъ овладѣвалъ переправой черезъ Рейсу, Римскій-Корсаковъ терпѣлъ страшное пораженіе отъ Массены подъ Цюрихомъ и отходилъ за Рейнъ. Суворовъ, еще ничего не знавшій объ этой катастрофѣ, продолжалъ спѣшить на соединеніе съ уже разбитымъ и далеко отброшеннымъ Корсаковымъ. Фактически Швейцарскій походъ терялъ всякій смыслъ, отнынѣ какъ бы уподобляясь выстрѣлу, направленному въ пустое пространство.

Швейцарская западня, такъ искусно поставленная Тугутомъ, неминуемо должна была захлопнуться. Когда-нибудь историки отвѣтятъ на вопросъ: кто отвѣтственъ за Швейцарскій походъ - Вильямъ Питтъ младшій, Императоръ Австрійскій Францъ, баронъ Іоганъ-Амедей-Францъ де Паула Тугутъ - сынъ простого паромщика на Дунаѣ, кто еще ?

Итакъ, не зная ничего о цюрихской катастрофѣ, Суворовъ быстро шелъ туда, гдѣ думалъ найти Корсакова. 26-го сентября въ Альторфѣ фельдмаршалъ къ немалому своему удивленію убѣдился въ томъ, что австрійскіе офицеры, „знатоки горъ", завели его въ тупикъ. Дорога упиралась въ Люцернское озеро, по которому крейсировала непріятельская флотилія. Никакого сообщенія со Швицемъ, сборнымъ пунктомъ, указаннымъ Корсакову и Готце, не было и въ поминѣ. Суворовъ уже не сомнѣвался, что австрійцы его предали. Тугутъ велъ двойную игру и переговаривался съ французами. Это выяснилось слишкомъ поздно. Малочисленная, изголодавшаяся, полунагая и полубосая русская армія оказалась въ тупикѣ. Однако, героическій выходъ былъ найденъ. Изъ Альторфа Суворовъ двинулъ русскія войска по самой трудной, но кратчайшей горной тропинкѣ черезъ снѣговой хребетъ Росштокъ въ Мутенскую долину, ведшую къ Швицу. Во что бы то ни стало, слѣдовало наверстать потерянное время. Но 28-го сентября фельдмаршалъ узналъ страшную новость: Римскій-Корсаковъ и Готце разбиты, французы въ Швицѣ и Гларисѣ, слѣдовательно, всѣ пути изъ Мутенской долины преграждены превосходными силами противника. На этотъ разъ катастрофа казалась уже неизбѣжной. Массена не сомнѣвался, что Суворовъ вынужденъ будетъ положить оружіе. Самодовольно потирая руки, французскій генералъ объявилъ плѣннымъ русскимъ офицерамъ, что намѣренъ привести къ нимъ черезъ нѣсколько дней Су-

ворова и Великаго Князя Константина. Это заявленіе отнюдь не было пустымъ бахвальствомъ. Положеніе русскихъ въ Мутенской долинѣ полностью оправдывало оптимизмъ Массены. Не слѣдуетъ забывать, что самъ фельдмаршалъ считалъ себя на краю гибели !

29-го сентября Суворовъ созвалъ военный совѣтъ. Онъ принялъ уже твердое и мудрое рѣшеніе идти по пути наименьшаго риска и сопротивленія, т.е. на Гларисъ, но ему хотѣлось лишній разъ убѣдиться въ нравственной стойкости старшихъ начальниковъ, внушить имъ свою волю къ сопротивленію, вѣру въ самихъ себя и свои войска. Драматическія обстоятельства требовали драматическихъ средствъ воздѣйствій. Психологическій пріемъ, къ которому прибѣгнулъ фельдмаршалъ, вполнѣ ему удался.

Первымъ пришелъ на военный совѣтъ князь Багратіонъ. Онъ увидѣлъ Суворова въ полномъ фельдмаршальскомъ мундирѣ и при всѣхъ орденахъ. Старикъ, уже нѣсколько дней страдавшій жесточайшими приступами лихорадки, взволнованно ходилъ по комнатѣ и, какъ бы никого не замѣчая, точно въ бреду, отрывисто говорилъ самъ съ собою: „Парады, разводы, большое къ себѣ уваженіе... Обернется - шляпы долой! Помилуй Господи, да и это нужно, да - во время. А нужнѣе то, знать вести войну, знать мѣстность, умѣть разсчесть, не дать себя въ обманъ, умѣть бить... А битому быть не мудрено! Погубить столько тысячъ!.. И какихъ! Въ одинъ день! Помилуй Господи!"

„Это онъ про Александра Михайловича Корсакова", подумалъ Багратіонъ, тихонько выходя изъ комнаты и закрывая за собою дверь.

Вскорѣ прибыли приглашенные на совѣтъ генералы и нѣкоторые штабъ-офицеры. Всѣ собравшіеся, во главѣ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, вошли къ фельдмаршалу. Суворовъ поклонился, закрылъ на нѣсколько мгновеній глаза, какъ бы собираясь съ мыслями, затѣмъ бросилъ на всѣхъ молніеносный, горящій взглядъ и взволнованно заговорилъ:

„Корсаковъ разбитъ и прогнанъ за Рейнъ ! Готце пропалъ безъ вѣсти и корпусъ его разсѣянъ... Итакъ, весь оперативный планъ нашъ для изгнанія французовъ изъ Швейцаріи разстроенъ". Тутъ фельдмаршалъ точно пересталъ владѣть собою. Таившееся въ глубинѣ его души и причинявшее ему нестерпимую боль чувство справедливаго гнѣва и оскорбленнаго самолюбія вдругъ вырвалось наружу. Съ нескрываемымъ негодованіемъ и презрѣніемъ говорилъ онъ о зависти и проискахъ гофкригсрата, о подлости вѣроломствѣ Тугута, о томъ, что русскихъ выгнали изъ Италіи, чтобы они не мѣшали австрійцамъ насильничать въ захваченной странѣ,и послали въ Швейцарію, чтобы здѣсь предать въ руки враговъ. Справедливое негодованіе любимаго вождя въ одно мгновеніе передалось всѣмъ собравшимся.

„Никогда еще, со времени Прутскаго похода, русскія войска не находились въ столь безвыходномъ положеніи", сказалъ Суворовъ. „Мы среди горъ, окружены непріятелемъ превосходнымъ въ силахъ. Что предпринять намъ ? Идти назадъ - постыдно; никогда еще не отступалъ я. Идти впередъ къ Швицу - невозможно: у Массены свыше шестидесяти тысячъ, у насъ же нѣтъ и двадцати. Къ тому же мы безъ провіанта, безъ патроновъ, безъ артиллеріи. Помощи намъ ждать не отъ кого. Мы на краю гибели !... Теперь

одна остается надежда на всемогущаго Бога, да на храбрость и самоотверженіе войскъ, мною предводимыхъ! Мы русскіе ! Съ нами Богъ ! Спасите честь Россіи и Государя! Спасите сына нашего Императора!"

Отъ избытка нахлынувшихъ чувствъ Суворовъ не въ силахъ была болѣе говорить. Онъ заплакалъ и упалъ на колѣни передъ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ. Въ смущеніи, самъ едва сдерживая рыданія, юный сынъ Русскаго Императора сталъ поднимать колѣнопреклоненнаго стараго фельдмаршала. Онъ обнялъ его и горячо расцѣловалъ, но отъ волненія не могъ произнести ни слова. Наступило торжественное молчаніе. Всѣ переживали какой-то радостный и необыкновенный душевный подъемъ. Наконецъ, генералъ Дерфельденъ, какъ старѣйшій и уважаемый военачальникъ, произнесъ отъ лица собравшихся трогательную рѣчь, въ которой выразилъ общее чувство безграничной любви и преданности къ фельдмаршалу, непоколебимую рѣшимость не останавливаться ни передъ какими препятствіями и твердую увѣренность въ томъ, что русскіе воины скорѣе погибнуть,чѣмъ посрамятъ честь своего славнаго имени. Едва только Дерфельденъ умолкъ, какъ всѣ въ одинъ голосъ поклялись исполнить свой воинскій долгъ передъ Царемъ и Родиной. Этотъ многоустый, но какъ бы изъ одной души вырвавшійся возгласъ, совершенно преобразилъ фельдмаршала. Его глаза засіяли. Онъ живо вскинулъ голову и взволнованно произнесъ:

„Надѣюсь!... Радъ!... Помилуй Богъ, мы русскіе! Съ помощью Божіей мы все одолѣемъ!"

Начался обмѣнъ мнѣній по вопросу - куда двигаться: къ Швицу, чтобы сразиться съ вчетверо превосходившей русскія войска арміей Массены или къ Гларису и далѣе, на соединеніе съ уцѣлѣвшими послѣ цюрихскаго разгрома русскими частями Корсакова ? Движеніе къ Гларису казалось русскимъ генераламъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. Австрійцы, не приглашенные на военный совѣтъ, уже ранѣе высказались за наступленіе къ Швицу. Это явно-пагубное для русскихъ предложеніе австрійцевъ было рѣшительно отвергнуто Великимъ Княземъ. Давъ всѣмъ свободно высказаться, Суворовъ приказалъ двигаться на Гларисъ.

Во всемірной исторіи не часто совершались событія, по своему психологическому напряженію подобныя военному совѣту въ Мутенской долинѣ, но всякій разъ, когда они совершались, ихъ участники какъ бы внутренне перерождались, и для нихъ уже не оставалось и тѣни сомнѣній въ безпредѣльности силъ человѣческаго духа.

Весь ранѣе составленный планъ Швейцарской кампаніи требовалъ коренной переработки, ибо Суворовъ окончательно убѣдился въ невозможности военнаго сотрудничества съ австрійцами. Онъ это предвидѣлъ. Россія поставила на крапленую австрійскую карту свой военный и политическій престижъ. Суворовъ его спасъ.Теперь слѣдовало какъ можно скорѣе уйти, чтобы не оказаться замѣшаннымъ въ еще болѣе нечестную игру, въ которой ставками были жизни русскихъ солдатъ.

Военнымъ совѣтомъ въ Мутенской долинѣ психологически завершился Швейцарскій походъ. 29-го сентября Суворовъ началъ отходить изъ Мутенской долины черезъ горный хребетъ Брагель

въ долину Клентать, ведущую къ Гларису. По всему этому пути французы энергично нападали на русскихъ. Только I-го октября къ вечеру русскія войска заняли Гларисъ. Въ то время,какъ Суворовъ, непрерывно сражаясь, переходилъ Брагельскій хребетъ и двигался по Клентальской долинѣ,арьергардъ Розенберга сдерживалъ со стороны Швица ожесточенный натискъ французовъ, стремившихся прорваться въ тылъ отступающей русской арміи. 4-го октября всѣ русскія войска уже собрались къ Гларису. Эти люди были оборваны и босы, изнурены голодомъ, непрерывнымъ походомъ, измучены безсонными ночами, проведенными въ непогоду подъ открытымъ небомъ, наконецъ, нравственно подавлены сознаніемъ постигшей ихъ неудачи. Это скопище людей должно было бы разбрестись въ разныя стороны въ поискахъ крова и пищи, если бы его не сковывала желѣзная дисциплина, нѣкоторое сознаніе долга,преданность любимому вождю и столь свойственное русскому человѣку, вообще, а русскому солдату, въ особенности, - чувство простого здраваго смысла. Однако, о продолженіи кампаніи нечего было и думать. Суворовъ рѣшилъ,какъ можно скорѣе вывести войска изъ Швейцаріи и дать имъ длительный и вполнѣ заслуженный ими отдыхъ.

„Въ ночь на 24-е сентября (5-е октября, А.С.) мы двинулись изъ Глариса на югъ, черезъ Швандень и Энги къ Эльму", пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ графъ Матвѣй Комаровскій, участникъ Итальянской кампаніи и Швейцарскаго похода. „Арьергардъ князя Багратіона, сдерживая непрерывный натискъ противника, прикрывалъ отступленіе нашихъ главныхъ силъ. 24-го (5-го) мы подошли къ Эльму, гдѣ и заночевали. Впереди угрюмо высился, преграждая намъ дорогу, крутой снѣговой хребетъ Ринr-генъ-Копфъ. 25-го (6-го) погода стала замѣтно портиться, повалилъ снѣгъ, ледяной вѣтеръ пронизывалъ до костей. Мы стали подниматься по еле замѣтной тропинкѣ, которая вскорѣ совсѣмъ исчезла подъ покровомъ свѣже-выпавшаго снѣга. Этотъ ужасный день я никогда не забуду. Казалось, что сама природа рѣшила насъ погубить. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ сильнѣй становился вѣтеръ и холодъ. Мы взбирались по отвѣснымъ скаламъ, помогая другъ другу. Покрытые снѣгомъ камни осыпались подъ нашими ногами, мы скользили и падали, судорожно хватаясь за что попало, лишь бы не сорваться въ пропасть. Мимо меня пронесся падающій въ бездну солдатъ. На одно мгновеніе я увидѣлъ его искаженное смертельнымъ страхомъ лицо. Меня самого сковалъ ужасъ... Вѣтеръ крѣпчалъ, поднималась настоящая буря. Подъ нами, въ черныхъ облакахъ, скрывавшихъ скалы, грохотали раскаты грома. Съ визгомъ и лязгомъ понеслись въ пропасть наши послѣднія пушки: ихъ нельзя было втащить въ гору. Я чувствовалъ, что силы мои подходили къ концу. Въ эту минуту я увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ надъ собою князя Александра Васильевича. Онъ сидѣлъ на низкорослой казачьей лошадкѣ,плотно закутавшись въ плащъ; рядомъ съ нимъ шелъ его проводникъ Антоніо Гамма и три казака. У меня на сердцѣ, почему то, сразу полегчало, точно тяжесть какую скинули. Вдругъ порывъ вѣтра рванулъ меня съ такой силой, что я зашатался и чуть было не упалъ. Кто то схватилъ меня за руку и удержалъ. Облака

сгустились до того, что стало темно, какъ ночью. Мы потеряли счетъ времени и не знали, гдѣ находимся."

Если подъемъ на Рингенъ-Копфъ былъ сопряженъ съ неимовѣрными трудностями и опасностями, и стоилъ жизни многихъ десятковъ людей, то спускъ оказался не легче и потребовалъ новыхъ жертвъ.

„Ну, ничего!... Ничего!" Подбодрялъ фельдмаршалъ обезсилившихъ и пришедшихъ въ отчаяніе людей. „Русакъ - не трусакъ. Пройдемъ !"

И, дѣйствительно, проходили. Но силы были явно на исходѣ. Всѣ тропинки замело снѣгомъ. Крутыя и гладкія скалы обледенѣли. Люди бросались и скатывались внизъ,что называется - очертя голову, на авось. Многіе ломали себѣ руки и ноги. Разбивались и на смерть. Но внизу всѣмъ чудился отдыхъ подъ кровлей. горящіе костры, сухая одежда, горячая пища, спокойный сонъ. Русскіе солдаты, продѣлавшіе легендарный Швейцарскій походъ, заслужили сторицей всѣ эти скромныя блага жизни.

7-го октября снѣговой хребетъ Рингенъ-Копфъ былъ перейденъ. Всѣ русскія войска собрались къ его южнымъ склонамъ, близъ деревни Паниксъ, и въ тотъ же день, вечеромъ, подошли къ Иланцу.

„Орлы русскіе облетѣли орловъ римскихъ!" воскликнулъ Суворовъ.

Первая спокойная ночь прошла у бивачныхъ костровъ. Швейцарскій походъ былъ оконченъ. Еще одна героическая страница русской военной исторіи перевернулась...

Въ итогѣ Швейцарскаго похода русскіе потеряли I.600 человѣкъ убитыми, сорвавшимися въ пропасти, замерзшими и пропавшими безъ вѣсти; 3.500 человѣкъ выбыло изъ строя по раненіямъ и увѣчіямъ. Принимая во вниманіе, что за I6 дней похода русскія войска выдержали нѣсколько сраженій и перевалили черезъ такіе снѣговые хребты, какъ Сенъ-Готардъ, Росштокъ, Брагель и Рингенъ-Копфъ, остается только удивляться сравнительной незначительности этихъ потерь.

Жалуя Суворову званіе генералиссимуса россійскихъ войскъ, Императоръ Павелъ Петровичъ писалъ ему: „Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, недоставало вамъ одного рода славы - преодолѣть и самую природу. Но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ; поразивъ еще злодѣевъ вѣры, попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщниковъ ихъ, злобою и завистью противъ васъ вооруженныхъ.Награждая васъ по мѣрѣ признательности Моей и ставя на высшій степень, чести и геройству предоставленный, увѣренъ, что возвожу на оный знаменитѣйшаго полководца сего и другихъ вѣковъ".

Графъ Ростопчинъ писалъ Суворову: „Ваше послѣднее чудесное дѣло удостаиваютъ въ Вѣнѣ названіемъ: „une belle retraite". Если бы они умѣли такъ ретироваться, то давно бы завоевали всю вселенную".

Въ минуту похвальной откровенности Массена признался,что

„отдалъ бы всѣ свои 48 кампаній за одинъ Швейцарскій походъ Суворова."

Въ 1807-мъ году на пріемѣ въ Тюильери Макдональдъ говорилъ русскому послу: „Не видать бы всей этой челяди Тюильерійскаго дворца, если бы у васъ нашелся другой Суворовъ." Тотъ же Макдональдъ сказалъ: „Хотя Императоръ Наполеонъ не дозволяетъ себѣ порицать кампанію Суворова въ Италіи, но онъ не любитъ говорить о ней. Я былъ очень молодъ во время сраженія при Треббіи. Эта неудача могла бы имѣть пагубное вліяніе на мою карьеру, меня спасло лишь то, что побѣдителемъ моимъ былъ Суворовъ."

„Неужели Державинъ промолчитъ о нашихъ дѣлахъ" ? — обезпокоился самъ фельдмаршалъ. Но Гавріилъ Романовичъ, какъ извѣстно боготворившій Суворова, не промолчалъ. Онъ написалъ оду „На переходъ Альпійскихъ горъ". По мнѣнію извѣстнаго Державиниста, Владислава Ходасевича, ода эта „одна изъ самыхъ мощныхъ въ мощной исторіографической лирикѣ Державина".

Австрійскій Императоръ наградилъ Суворова орденомъ Маріи Терезіи I-го класса. Императоръ Павелъ Петровичъ, лично сообщая объ этомъ фельдмаршалу, милостиво пошутилъ: „предупреждаю, зная, что неожиданная радость бываетъ опасна".

Но несмотря на Марію-Терезію I-го класса, Суворовъ окончательно рвалъ съ австрійцами. На военномъ совѣтѣ 18-го октября было рѣшено, что „кромѣ предательства, ни на какую помощь отъ Цесарцевъ нѣтъ надежды; чего ради наступательную операцію не производить; но для необходимаго поправленія войскъ, остановиться на правомъ берегу Рейна".

Не видя возможности продолжать войну, Суворовъ мечталъ вернуться какъ можно скорѣе домой, въ просторъ родныхъ полей. Въ Европѣ ему стало и тѣсно и душно.

„Мнѣ здѣсь дышать больше нечѣмъ", - жаловался онъ, вздыхая по стариковски, точно и впрямь ему трудно было дышать...

„Какъ скоро войска вступятъ въ отечественныя границы", писалъ генералиссимусъ Императору: „то первѣйшимъ счастіемъ и долгомъ поставлю пасть къ священнѣйшимъ стопамъ великаго моего Монарха".

О личномъ, человѣческомъ подвигѣ Суворова Швейцарскій походъ даетъ, несомнѣнно, болѣе полное представленіе, чѣмъ всѣ предыдущія кампаніи. Суворовъ - полководецъ-герой знакомъ намъ по первой и второй Турецкой войнѣ, по двумъ Польскимъ кампаніямъ, наконецъ, по Италіи. Суворовъ - подвижникъ, воинъ Христовъ, не перестающій быть героемъ, встаетъ передъ нами только въ эти страшные 16 дней швейцарской „Голгоѳы". Только здѣсь, на Альпійскихъ высотахъ, героизмъ Суворова претворяется въ подлинно-христіанскій подвигъ. Въ свои 70 лѣтъ старый фельдмаршалъ съ изумительнымъ терпѣніемъ переносилъ выпавшіе на его долю нравственныя и физическія испытанія. Какъ ни великъ онъ былъ духомъ, но все же онъ былъ только человѣкомъ. Въ теченіи всей Швейцарской кампаніи онъ страдалъ сильнѣйшими приступами маляріи, той самой, что едва не погубила его въ первую Турецкую войну. Эта болѣзнь осложнилась теперь глубокимъ бронхитомъ. Уже истощенный до крайности

непосильными трудами Итальянской кампаніи; Суворовъ преодолѣвалъ физическую немощь и болѣзни непреоборимой силой своего духа. На него были обращены съ упованіемъ взоры двадцати тысячъ преданныхъ ему душою и тѣломъ людей. Онъ дѣлилъ съ ними всѣ опасности и лишенія. Это давало ему извѣстное нравственное удовлетвореніе, но не уменьшало сознанія огромной отвѣтственности и отеческой тревоги за ихъ жизни. Онъ неизмѣнно подавалъ всѣмъ примѣръ храбрости и спартанской простоты въ одеждѣ и пищѣ. Онъ мокъ подъ проливнымъ дождемъ и дрогъ отъ стужи такъ же, какъ и его солдаты, съ тою только разницей, что они были на 20, на 30, на 40 лѣтъ моложе его ! Просто поразительно, что этотъ хилый старикъ не умеръ отъ болѣзней и истощенія !

Однажды въ кругу своихъ приближенныхъ, терзаемый приступами лихорадки, онъ воскликнулъ : „Не дамъ костей своихъ врагамъ! Умру здѣсь и пусть на могилѣ моей будетъ надпись: Суворовъ жертва измѣны, но не трусости".

Все время онъ былъ полонъ отеческой любви и заботливаго вниманія ко всѣмъ безъ исключенія. Онъ не требовалъ отъ начальниковъ строгостей и трафаретныхъ дисциплинарныхъ взысканій, неумѣстныхъ и даже вредныхъ въ столь сложной боевой обстановкѣ. Самъ онъ широко и умѣло пользуется, какъ средствомъ нравственнаго воздѣйствія, простоватой насмѣшкой надъ солдатскимъ малодушіемъ. Однажды въ присутствіи фельдмаршала люди стали ворчать: „Старикъ нашъ выжилъ изъ ума! Богъ знаетъ куда завелъ насъ!"

Не трудно себѣ представить, какъ отнесся бы къ подобнымъ бунтарскимъ возгласамъ всякій другой военачальникъ:въ лучшемъ случаѣ, онъ сдѣлалъ бы видъ, что ихъ не слышитъ. Но Суворовъ тотчасъ же подхватилъ брошенный ему упрекъ. Онъ обратился къ чинамъ своей свиты и сказалъ нарочито громко, чтобы солдаты его слышали: „Какъ они хвалятъ меня! Помилуй Богъ, такъ точно они хвалили въ Туречинѣ и въ Польшѣ!"Ропотъ немедленно смолкъ. Солдаты были явно смущены.

Самъ будучи доведенъ почти до отчаянія плохимъ оборотомъ дѣлъ, фельдмаршалъ находилъ слова бодрости и утѣшенія для слабыхъ и малодушныхъ. Однажды,замѣтивъ унылый и понурый видъ идущихъ мимо него людей,Суворовъ громко затянулъ своимъ старческимъ баскомъ: „Что дѣвушкѣ сдѣлалось? Что красной случилося ?" Солдаты разомъ весело загоготали, уныніе какъ рукой сняло. А самъ задыхался отъ кашля и дрожалъ въ лихорадкѣ !

„Мы молча сидѣли у костра, говорить не хотѣлось", пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ графъ Матвѣй Комаровскій.„Вдругъ изъ сумрака появился князь Александръ Васильевичъ. Всѣ сразу оживились. Я поспѣшно всталъ и уступилъ фельдмаршалу свое мѣсто у костра. Другіе также поднялись и оправили на себѣ одежду.

„Садись, садись, Комаровскій ! Садитесь, грѣйтесь ребятушки !" приказалъ намъ князь. Тутъ величественнымъ жестомъ онъ поднялъ руку къ небу и торжественно проговорилъ : „Чады Павловы ! Господь всѣхъ насъ видитъ. Кто за вѣру христіанскую сражается, то Ему и батюшкѣ Царю служитъ !" Князь перекрестился, и всѣ мы послѣдовали его примѣру. Потомъ онъ сталъ шутить съ нами, говорилъ, что „русскій холодъ не чета

здѣшнему, - какъ тятька за уши деретъ". Солдаты смѣялись, тоже шутили, вспоминали свои родныя деревни. Заспорили, „у кого холодъ шибче - у француза или у итальянца ?" Вспомнивъ Италію, сразу всѣ опять повеселѣли, словно солнце выглянуло и обогрѣло. Погрѣвшись у нашего костра, князь Александръ Васильевичъ попрощался съ нами и ушелъ. Я тутъ же подумалъ, что онъ должно быть очень добръ, если у него хватаетъ столько отеческой любви на всѣхъ насъ".

Это свидѣтельство особенно цѣнно потому, что исходитъ отъ молодого польскаго аристократа, которому естественно было бы питать совершенно иныя чувства къ недавнему побѣдителю поляковъ подъ Варшавой. Всѣ современники въ одинъ голосъ утверждаютъ, что русскіе офицеры и солдаты боготворили своего великаго вождя. Но постепенно увеличивается списокъ и людей не русскихъ, на которыхъ распространялось личное обаяніе Суворова. Списокъ этотъ нельзя не назвать блестящимъ, въ немъ - принцъ Кобургскій, адмиралъ Поль Джонсъ, графъ Прованскій (будущій король Людовикъ ХУIII-й), принцъ Кондэ, маркизъ Шателеръ, старикъ итальянецъ Антоніо Гамма, добровольно пошедшій за Суворовымъ въ Швейцарскій походъ, молодой польскій аристократъ графъ Комаровскій, поступившій волонтеромъ въ русскія войска только потому, что ихъ велъ Суворовъ...

Полководческое искусство Суворова достигло въ Швейцарскую кампанію своей вершины. Выше подняться было уже некуда. 57 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ тринадцатилѣтній отрокъ Саша Суворовъ мечталъ о славѣ Ганнибала. Эта слава пришла. Она досталась дорогою цѣною, но развѣ бываетъ иначе ! Отрокъ сталъ убѣленнымъ сѣдинами старцемъ, семеновскій капралъ - фельдмаршаломъ. Ему суждено было еще разъ почувствовать суетность и непрочность этой славы. Новая царская немилость, новыя униженія...

„Долго я гонялся за славой... Все мечта ! Покой души у престола Всевышняго", - произнесъ этотъ великій старецъ, покидая суетный міръ.

А.К. САВИЦКІЙ

ОСНОВНАЯ БИБЛІОГРАФІЯ ПО СУВОРОВѢДѢНІЮ

I. АНТИНГЪ, "Жизнь и военныя дѣянія генералиссимуса гр.Суворова-Рымникскаго". 4 части, СПБ., I799-I80I. 2. ВУЛЬПІУСЪ, "Суворовъ и казаки въ Италіи, съ присовокупленіемъ краткаго описанія его жизни, дѣяній, характеристики и анекдотовъ". М., I802. 3. С.В., "Духъ великаго Суворова или анекдоты подлинные о гр. А.В.Суворовѣ-Рымникскомъ". М., I808. 4. "Военные анекдоты о Суворовѣ". "Русскій Вѣстникъ", I809, ч.У и УII. 5. "Собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся до жизни А.В. Суворова" М., I8I4. 6. "Изреченія и мысли А.В. Суворова изъ собственноручныхъ его писемъ, съ присовокупленіемъ замѣчаній и анекдотовъ" "Русскій Вѣстникъ", I8IO, № I. 7. "Воспоминанія о Суворовѣ". А. БУЛАТОВА. "Русскій Вѣстникъ", I8II, ч. XIII. 8. Е.ФУКСЪ, "Исторія генералиссимуса кн. Италійскаго гр. Суворова-Рымникскаго". 2 ч., М., I8II. 9. "Духъ Журналовъ" за I8I6 и I8I7 г.г. гдѣ собрано нѣсколько анекдотовъ и изреченій Суворова.

IO. "Собраніе разныхъ сочиненій" Е.ФУКСА, СПБ., I827. II. "Анекдоты" о Суворовѣ. Е.ФУКСА, СПБ. I827. I2. Гр.ХВОСТОВЪ, "Два обстоятельства изъ жизни Суворова". Библіотека для Чтенія, I834. I3. "Обѣдъ Суворова съ пріоромъ Капу инскаго монастыря". "Журналъ Военно-Учебныхъ Заведеній", I836, т. I. I4. "Москвитянинъ", за I84I, I842, I843, I844, I845 и I846 г.г., гдѣ помѣщено не мало разсказовъ и анекдотовъ о Суворовѣ. I5. "Разсказы стараго воина о Суворовѣ". Въ трехъ книгахъ. Изданіе Москвитянина. М., I847. (Старковъ, Столыпинъ, Вейнертъ). I6. "Журналъ военно-учебныхъ заведеній" за I836 и слѣд. годы. Много разсказовъ о Суворовѣ въ разные періоды его жизни. I7. В.Ф.ПОТАПОВЪ, "Новые анекдоты великаго Суворова". М., I846. I8. "Воспоминанія". Ив.СЕРГѢЕВА, Маякъ, I842. I9. А.У - цъ, "Воспоминанія крымскаго ветерана о Суворовѣ". "Отечественныя Записки", I847, т.52.

20. А.Ф. фонъ-ЭТТИНГЕРЪ, "Неизвѣстные анекдоты о Суворовѣ", "Сынъ Отечества", I848, кн. IO и II и I849, кн. 3, 4 и 6. 2I. "Мелочи". Два анекдота о Суворовѣ". "Москвитянинъ", I852, ч. IУ. 22. В.НЕГРЕСКУЛЪ, "О пребываніи гр. Суворова-Рымникскаго въ Херсонесѣ", "Одесскій Вѣстникъ", I855, № I25. 23. "Неизданныя письма Потемкина и анекдоты о Суворовѣ", "Русскій Инвалидъ", I857, № 38. 24. "Изъ записокъ гр.Толля", "Военный Журналъ", I859, т. ХУ. 25. "Калейдоскопъ", за I860 г. (нѣсколько анекдотовъ о Суворовѣ). 26. А.МИЛЮТИНЪ, "Суворовъ на балу въ Фридригсгамѣ", "Чтеніе для солдатъ", I860, кн. У. 27. Изъ "Записокъ" Кононова, "Русская Бесѣда", I860, № I и I9. 28. Кн. М.ГОЛИЦЫНЪ, "Послѣдній Суворовскій отголосокъ,"Современная Лѣтопись", I86I, № I4. 29. И.ЗЕЙДЕЛЬ, "Анекдоты князя Италійскаго А.В.Суворова-Рымникскаго," СПБ., I865.

30. "Записки" ЭНГЕЛЬГАРДА, М., I867. 3I. "Нѣсколько случаевъ изъ жизни Суворова", "Семейные Вечера", I867, № 2. 32. "Суворовъ въ Финляндіи", "Мірской Вѣстникъ", I869, № 7. 33. "Записки" Н.И. ГРЕЧА, "Русскій Архивъ", I873, № 3 и 5. 34. А.БѢЛЫЙ, "Историческіе разсказы и анекдоты, записанные со словъ разныхъ лицъ", "Русская Старина", I873, т. УII. 35. ЧИЖОВЪ И ЛЮБЕЦКІЙ, "Черты изъ жизни А.В.Суворова", "Чтеніе для солдатъ", I872, № 3-6, I873, № I-I4. 36. "Анекдоты о Суворовѣ въ бытность его въ Астрахани", "Русскій Архивъ", I873, № 2. 37. "Записки донского атамана Денисова", "Русская Старина", I874, № 5, II, I2 и I875, № I-3. 38. ВИСКОВАТОВЪ, "Князь А.В.Суворовъ. Свиданіе его съ Римскимъ-Корсаковымъ. Разсказъ Трефурта", "Русская Старина", I876, т. ХУ. 39. ЧУМИКОВЪ, "Фельдмаршалъ Суворовъ въ Прагѣ, Разсказъ графа Делагарди", "Русская Старина", I876, т. ХУII.

40. "Записки гр. А.И. Рибопьера", "Русскій Архивъ", I877, т.I. 4I. "Встрѣча съ Суворовымъ въ I799 г.", "Русская Старина", I893, т.77. 42. Д.А.МИЛЮТИНЪ, "Исторія Войны I799 года между Россіей и Франціей", 3 тома, I857. СПБ. 43. Н.А.ПОЛЕВОЙ, "Исторія князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго",

СПБ., 1858. 44. Ф.СМИТЪ, "Суворовъ и паденiе Польши". СПБ., 1866. 45. ЩЕРБИНИНЪ, "Характеристика А.В.Суворова, имъ самимъ сдѣланная", "Русская Старина", 1875, № 5. 46. А.Ф. ПЕТРУШЕВСКIЙ, "Генералиссимусъ князь Суворовъ"; СПБ., 1884, 3 тома; тоже въ одномъ томѣ - СПБ., 1900. 47. П.К.МАРТЬЯНОВЪ, "Нахожденiе Суворова въ ссылкѣ", "Историческiй Вѣстникъ", 1884, № 10. 48. И.П. МОЖАЙСКIЙ, "Пребыванiе Суворова въ с. Кончанскомъ", "Историческiй Вѣстникъ", 1886, № 11. 49. П.О. БОБРОВСКIЙ, "Суворовъ на Кубани въ 1778 г. и за Кубанью въ 1783 году", "Военный Сборникъ", 1900, № 1 и слѣд.

50. "Воспоминанiя" МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО, "Русская Старина", 1897, № 7. 51. В.Е.РУДАКОВЪ, "Генералиссимусъ Кн. А.В.Суворовъ въ анекдотахъ и разсказахъ современниковъ", СПБ., 1900. 52. К.ОСИПОВЪ, "Суворов", ОГИЗ, Государственное Издательство Политической Литературы, 1947. 53. "Генералиссимус Суворов, Сборник документов и материалов", ОГИЗ, Государственное Издательство Политической Литературы, 1947. 54. Гр. МАТВѢЙ КОМАРОВСКIЙ, "Воспоминанiя о замѣчательныхъ событiяхъ и людяхъ моего времени", (рукопись подготовленная къ печати А.К. Савицкимъ и хранящаяся въ частномъ семейномъ архивѣ), 1947. 55. А.К.САВИЦКIЙ, "Юношескiй автографъ Суворова", "Русскiй Военно-Историческiй Вѣстникъ", № 3, 1948.

A. SAVITZKY
3, Rue Désiré Bertrand
EAUBONNE (S.-et-O.)